

Е.А. Островская, докт. социол. наук, проф. кафедры теории и истории социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета*

БИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В ИЗУЧЕНИИ РЕЛИГИОЗНОСТИ

E.A. Ostrovskaya, doctor of social sciences, and professor of sociology at the Department of sociology of Saint-Petersburg State University, e-mail: e.ostrovskaya@spbu.ru

BIOGRAPHICAL NARRATIVE APPLIED TO THE STUDY OF RELIGIOSITY

Биографический поворот, осуществившийся в социальных науках в 2000-х гг., актуализировал накопленный за последние тридцать лет богатейший опыт использования этого метода. В Европе лидерами в продвижении инноваций в биографическом подходе стали два направления — одно во главе с П. Чемберлейн и Т. Венграфом, другое во главе с Ф. Шутце. В американской социологии этот метод представлен разработками Н. Дензина. Автор статьи полагает, что биографический метод, будучи нацеленным на исследование труднодоступных групп населения, прекрасно подходит для изучения религиозности закрытых религиозных сообществ. В статье подробно рассмотрены трудности использования метода, иллюстрируемые примерами из исследования религиозных евреев Санкт-Петербурга и даны рекомендации по практическому преодолению сложностей. Биографический поворот, осуществившийся в социальных науках в 2000-х гг., способствовал актуализации богатейшего опыта, накопленного за последние тридцать лет использования этого метода. В статье даны иллюстрации из исследования религиозных евреев Санкт-Петербурга, проведенного автором в 2015 г. Рассмотрение процедур биографического нарратива приводит автора к выводу, что социологу необходимо детально продумать драматургию встречи: хронотоп проведения интервью, фразы зачина, ключевые темы.

Ключевые слова: биографический метод, автобиографический нарратив, религиозность, религиозное еврейство, метод “снежного кома”, метод референтной выборки.

The biographical turn in social sciences of the 2000-s actualized a rich experience of the sociological application of this method. In Europe leaders in its development were the sociologists of two different directions: one is represented by Prue Chamberlayne and Tom Wengraf and another one by Fritz Schütze. In the USA Norman Denzin made the main contribution to the biographical studies.

* Островская Елена Александровна, e-mail: e.ostrovskaya@spbu.ru

Biographical method reemerged within social sciences as an approach to study hard-to-reach, or hidden populations. So the author argues that the most socially isolated religious groups can be reached by the method of biographical narrative. The article contains a full description of those difficulties, which are often to the method in use and gives through out illustrations of them taken from the author's study of religious Jews of Sankt-Petersburg. The author came to the conclusion that the sociologist has necessarily to consider in detail the dramaturgy of the interview meeting.

Key words: *biographical method, autobiographical narrative, religiosity, religious Jews, snowball sampling, respondent-driven sampling.*

В последние десятилетия отечественная социология религии сделала отчетливый рывок в развитии собственных прикладных методологических и методических разработок. Вместе с тем, анализ публикационной активности ученых, занимающихся изучением религиозных пространств, показывает, что публикаций о применении того или иного метода к полевому объекту почти нет. Весьма ценные, но крайне скудные комментарии по методам встречаются по преимуществу в изложениях результатов изучения конкретных религиозных сообществ. В данном контексте следует подчеркнуть, что и в зарубежной социологии религии мы не обнаружим большого количества подобных работ. И здесь, конечно, возникает вопрос, чем обусловлено такое молчание или отсутствие интереса?

Полагаю, что ответ на поставленный вопрос лежит в плоскости предметной зависимости социологии религии от социологии. А в социологии как таковой рефлексия о методах, их стратегических и практических возможностях применительно к различным объектам также является сравнительно новым разворотом. В пользу этого свидетельствуют и монографические исследования методов биографического анализа, и коллективные сборники, посвященные обсуждению методов эмпирических исследований биографий, и специальные выпуски социологических журналов, целиком ориентированные на эту тему¹.

В отечественной социологии биографический метод имеет свою продолжительную историю, но говорить о его высокой востребованности попросту не приходится. Отечественные социологи стремятся к выверенным техникам и верным путям, подспорьем в этом являются прежде всего количественные методы. В социологии религии лидером большинства изысканий по религиозности, причем безотносительно конкретного объекта, стал “хорошо объез-

¹ См., например: *Chamberlayne P., Bornat J., Wengraf T. The turn to biographical methods in social science comparative issues and examples. L.; N.Y., 2000; Qualitative sociological review. 2006. Vol. II. Iss. 1. Biographical Sociology.*

женный старый конь” — многомерная модель религиозности. Ученые перебирают эти измерения применительно к различным христианским организациям и сообществам, а техники и методы создания и верификации репрезентативности выборки, доступа к респондентам, самой процедуры опроса в формате избранного метода остаются вне дискурса или не излагаются.

В данной статье мне хотелось бы сосредоточиться не на анализе сущности биографического нарратива, поскольку этому уже посвящены превосходные работы отечественных и зарубежных коллег². Рассмотрения требуют, на мой взгляд, несколько взаимосвязанных тем: “биографический поворот” в западной социологии, процедурные сложности использования метода биографического нарратива, некоторые выборочные примеры из самых свежих работ, тематизированные по рубрикам процедур биографического нарратива.

Применительно к западной социологии следует говорить о том, что случившийся в начале 2000-х гг. “биографический поворот” стал ни чем иным, как возвращением к инструментарию, хорошо разработанному, но до времени позабытому. Более того, принципиально различен этот “поворот” в Европе и США. Если в европейских университетах и исследовательских центрах биографический метод надолго исчез в тени других методов сбора информации и анализа, то в США работа с ним продолжалась с большей или меньшей степенью интенсивности в течение последних четырех десятилетий. Причины тому разнятся в каждом из регионов. В европейских научных ареалах отказ от той или иной методологии, или обращение к ней, как правило, отчетливо фундированы идеологически. В США ротация методов зависит от востребованности тех или иных тем исследования. Разъясним коротко заявленные тезисы.

Во множестве европейских работ, посвященных анализу причин биографического поворота, объяснения воспроизводят одно и то же утверждение о специфике субъекта в обществах модерна и позднего модерна³. Так, принято говорить, что в начале XXI в. социология встала перед необходимостью все-таки попытаться пробиться к субъекту деятельности, пусть даже и к обобществленному, но субъекту. В пользу этого, по мысли теоретиков модерна, свидетельствует одна из базовых современных характеристик — рефлексивный субъект, создающий собственную рефлексивную биографию. Индивид, обнаруживающий себя в посттрадиционных обществах,

² Например: Пузанова Ж.В., Троцук И.В. Нарративный анализ: понятие или метафора? // Социология: 4 М. 2003. № 17; Wengraf T. Qualitative research interviewing biographic narrative and semi-structured methods. L., 2001.

³ Chamberlayne P., Bornat J., Wengraf T. Op. cit.

допускающих и пропагандирующих мировоззренческий плюрализм, вынужден заниматься самонаблюдением, осмыслять собственный жизненный опыт. Именно рефлекслирующий субъект становится цензором, способным соотнести требования традиции с изменившимися социокультурными условиями⁴. В таком контексте осмыляется потребность в новом введении биографического метода в социологию. Потенциал биографического метода, биографического нарратива или метода жизненных историй видится ученым в перспективе обращения к чужой субъективности, причем рефлексивной субъективности, дарующей исследователю уникальную интерпретацию событий и фактов, ситуаций и опыта.

Разворот европейской социологии в направлении индивида представляется мне весьма созвучным общей идеологической установке стран Евросоюза на воплощение ценностей демократической доктрины во всех социетальных подсистемах, включая науку. Антропоцентричность демократической доктрины предполагает осмысление индивида, его прав, особенностей, проблем бедности, людей с ограниченными возможностями, неравенства, гендерных сюжетов, многое другое. Кроме того, страны Европы приняли на себя основной массив миграций, захвативших глобальный мир в конце 1990-х гг. Они столкнулись не только с проблемами адаптации и аккомодации прибывших иммигрантов, но и с необходимостью создания новых социокультурных ниш для вновь формирующихся этно-религиозных сообществ. В этом контексте именно биографический метод, биографический нарратив, изучение жизненных историй обрели статус надежного инструментария для изучения социокультурной инаковости, труднодоступных групп населения, терминально больных пациентов и др. Обнаруживаемая тенденциозность тем обоснована проектами, в рамках которых и был заново введен инструментарий биографического метода. Приведу пример.

Европейская социология на актуальном этапе ее развития характеризуется тяготением к междисциплинарности, стремлением к организации деятельности международных коллективов и сочетанию эмпирических исследований с выходом на теорию. Ярчайшим представителем такого ее формата стал проект SOSTRIS (Social Strategies in Risk Societies) — “Социальные стратегии в обществах риска”. Он длился около трех лет, с 1996 по 1999 г., и финансиро-

⁴ Beck U. Risk society. L., 1992; *Idem.* Eigenes Leben // Eigenes Leben. Ausflüge in die unbekannte Gesellschaft, in der wir leben / Ed. by T. Rautert, U. Ziegle. Monaco, 1997; Berger P., Berger B., Kellner H. The homeless mind. Modernization and consciousness, Harmondsworth. L., 1973; Giddens A. Modernity and self identity: self and society in the late modern age. Cambridge, 1991.

вался программами Евросоюза, посвященными изучению проблем социального исключения и социальной интеграции. SOSTRIS собрал в одну исследовательскую команду ученых из Германии, Великобритании, Греции, Италии, Испании и Швеции⁵. Критерием отбора участников исследовательского проекта стали не только опыт изучения тематик, интересовавших ЕС программы, но и навык использования биографического метода.

В методологическом аспекте наиболее продуктивным результатом проекта явилось создание техники метода биографически-нарративной интерпретации (Biographic-Narrative Interpretive Method (BNIM)). Этот метод изложен и продемонстрирован в рабочих тетрадях членов научного коллектива (SOSTRIS Working Paper).

Наряду с указанной тенденцией реабилитации биографического метода применительно к актуальной современности новым для европейской социологии стало стремление соединить его с разработками теоретической социологии. В качестве теорий, наиболее конгруэнтных методу, были признаны этнометодология Г. Гарфинкеля, феноменологический подход А. Шюца, символический интеракционизм, рефлексивная социология, теория мобилизации ресурсов и теория рационального выбора⁶.

Здесь будет уместным отметить, что за пределами громких научных проектов, ангажированных в изучение идеологически актуальных тематик, биографический метод активно использовался германскими социологами и социологами религии. Неотступная работа над уточнением процедур и содержания биографического нарратива привела к возникновению целого направления, возглавляемого работами Ф. Шутце. В социологии религии осмысление метода ушло на периферию, а в центре внимания оказалось его применение к изучению религиозной конверсации.

Первопроходцем в этом направлении выступила группа германских и швейцарских ученых, собранная усилиями М. Вольраб-Зар. По результатам ее деятельности было опубликовано два методологических сборника статей — “Религиозная конверсия” и “Биография и религия. Между ритуалом и поиском себя”⁷. Однако исследователи сосредоточились на дескрипции и концептуализации религиозности конвертитов (европейцев, обратившихся в ислам, буддизм, индуизм и проч.) — принципиальной культурной инно-

⁵ Chamberlayne P., Bornat J., Wengraf T. Op. cit. P. VIII–XVIII, 21–22.

⁶ Berzano L. Research methodology between descriptive and hermeneutic interests // New Methods in the Sociology of Religion / Ed. by L. Berzano, O.P. Riis. Leiden; Boston, 2012. P. 74.

⁷ Knoblauch H., Krech V., Wohlrab-Sahr M. Religiöse Konversion. Systematische und fallorientierte Studien in soziologischer Perspektive. Konstanz, 1998; Wohlrab-Sahr M. Biographie und Religion. Zwischen Ritual und Selbstsuche. Frankfurt; N.Y., 1995.

вазии для религиозного пространства Европы середины 1990-х гг. Метод как таковой обсуждению в таком контексте вообще не подлежал. Акцент делался на попытках понять мотивы конверсии, вызывавшей отчетливый когнитивный диссонанс у европейских культуртрегеров и социологов. Интерпретация биографических нарративов в этих исследованиях проводилась с превалированием психоаналитической составляющей, что сужало возможности социологического использования их результатов.

Примечательно, что в американской социологии биографический метод был введен в исследования Чикагской школы, обогатившей социологическую теорию методологией символического интеракционизма. Однако именно Чикагская школа, отдавая предпочтение количественным методам, вытеснила биографический метод на методологическую периферию⁸. Это объясняется прежде всего предпочтением, отдававшимся количественным методам, способным охватить широкие слои населения, представить панорамную раскладку. А в линейке количественных методов особую популярность приобрели опрос и прямое наблюдение. Однако как и в случае с европейской социологией, в тени ярких и хорошо финансируемых проектов неотступно работали такие исследователи-одиночки, как Н. Дензин. Его усилиями биографический нарратив был введен в обиход как прикладной, так и теоретической социологии. Именно Н. Дензин предложил обогащать анализ транскриптов биографических нарративов дневниковыми записями респондентов, письмами и проч.

В американской социологии и социологии религии биографический метод принято компоновать с обоснованной теорией, социолингвистическими концепциями, диалоговым анализом, интерпретативным интеракционизмом. Такую методологическую комбинацию наработок Ф. Шутце в области биографического нарратива и обоснованной теории использует, например, И. Джиндра в своих исследованиях биографий конвертитов различных религиозных традиций⁹.

Подробное рассмотрение биографического метода и его сочетаемости с феноменологическим, интеракционистским и конструкционистским подходами выходит за рамки настоящей статьи. Опираясь на опыт своих исследований с привлечением биографического метода, я уверено присоединяюсь к отечественным и зарубежным коллегам, утверждающим правомерность подобных конвергенций

⁸ *Bertaux D., Kohli M.* The life story approach: a continental view // *Life Story Research* / Ed. by B. Harrison. Vol. I. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore, 2008. P. 46.

⁹ *Jindra I.* How religious content matters in conversion narratives to various religious groups // *Sociology of Religion. Quarterly Review*. 2011. Vol. 72 (3). P. 275–302.

и подробно рассматривающих сущность этого метода¹⁰. В контексте поставленной цели хотелось бы сосредоточиться на проблематичных процедурах биографического нарратива применительно к исследованию религиозности.

В дисциплинарных рамках социологии религии феномен религиозности возможно ухватить только в его деятельностных, мировоззренческих и идеологических проявлениях. Изучение каждого из аспектов религиозности проводится при помощи устойчивой конвергенции теоретического подхода и конкретного метода/методов прикладного изучения¹¹. Как показывает практика исследований, социологи сосредоточиваются либо на индивидуальном, либо на коллективном воплощении религиозности.

Привлечение биографического метода в исследование религиозности позволяет, на мой взгляд, посмотреть на оба проявления сквозь призму субъективной биографии. Именно в такой перспективе я предлагаю выявлять компоненты исследуемой религиозности — на базе анализа всего полотна биографического нарратива, получаемого в интервью. Это позволит наряду с выявлением субъективных причин религиозного обращения взглянуть и на обстоятельства, сопровождавшие это событие, — социокультурный контекст, пространственно-темпоральные характеристики. Актуальными окажутся этапы социализации, статусно-ролевые взаимодействия с широким социальным окружением, определенные вехи в жизни социального окружения и страны.

Необходимо подчеркнуть, что такая перспектива предполагает одну очень важную методологическую инновацию. Предлагаемая мною инновация состоит в категорическом отказе от прямых вопросов о приходе к религии или причинах обращения. Мне представляется принципиальным, каким образом сам респондент подведет свое повествование к этому событию, насколько важным и логичным оно предстанет в контексте его/ее автобиографии. Кроме того, как показывает мой опыт, подобное смещение акцентов биографического интервью позволяет получить еще и субъективное рефлексивное видение религиозности группы. Однако все это возможно при условии, что интервьюеру удастся стимулировать ре-

¹⁰ Биографический метод: история, методология, практика / Под ред. Е.Ю. Мещеркиной, В.В. Семеновы М., 1994; *Ярская-Смирнова Е.П.* Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3; *Chamberlayne P., Bornat J., Wengraf T.* Op. cit.

¹¹ Подробно об этом см.: *Островская Е.А.* Религиозность в горизонте возможностей социологии религии: количественные и качественные исследования // Наука о религии в XXI веке: традиционные методы и новые парадигмы. Сборник статей и докладов / Под ред. М.М. Шахнович, Т.В. Чумаковой, Е.А. Терюковой СПб., 2014.

спондента к сюжетному и детализированному рассказу о своей жизни, т.е. к нарративу. Перейдем теперь к тому, что считать нарративом, или текстом, анализ которого способен в результате дать представление об определенных типах религиозности.

В современном социологическом обсуждении проблемы накопилось немалое количество статей за и против использования биографического нарратива, обсуждающих, что считать нарративом. Мой многолетний опыт исследований позволяет констатировать, что нарратив — это связный сюжетный рассказ респондента о себе на разных этапах жизни. В этом рассказе отчетливо просматриваются хронологическая цепочка событий, сюжетная иллюстративность излагаемого, авторская логика, отчетливая образность. В отличие от истории жизни биографический нарратив акцентирует выявление той логики и хронологии, сюжетов и оценок, которые выбирает сам респондент. Историческая достоверность нарратива не оценивается, поскольку в фокусе внимания тот конструкт биографии, который создает интервьюируемый. В этом конструкте, как правило, и обнаруживаются структурные компоненты субъективной религиозности и субъективного видения религиозной принадлежности и религиозности группы. На протяженности биографии отчетливо просматривается, как, в какой мере и в каком направлении повседневность респондента детерминирована его/ее религиозностью.

Обратимся теперь к рассмотрению тех процедур биографического интервью, прохождение которых сопряжено с целым набором трудностей. Речь пойдет о поиске и обретении респондентов, о месте и способе проведения такого интервью, о стадиях самого процесса интервьюирования.

Исходя из собственного опыта и глубокого убеждения, могу констатировать, что формирование выборки респондентов из религиозной среды для биографического нарратива осуществимо через комбинацию методов снежного кома и референтной выборки. В реальности выборка всегда детерминирована тем, насколько прост или сложен доступ к респондентам.

Биографический нарратив как метод хорошо зарекомендовал себя в исследованиях труднодоступных групп населения — групп, которые либо по роду занятий, особенностей образа жизни или состояния здоровья, либо по причинам социокультурной чужеродности оказываются закрытыми для социолога. Очевидно, что многие религиозные сообщества могут быть охарактеризованы в качестве труднодоступных, закрытых и даже избегающих контактов с внешним миром. В настоящем изложении иллюстрации я приведу

из материалов обследования религиозного еврейства¹² Санкт-Петербурга 2015 г.

По процедуре интервью, первая стадия — поиск респондентов, отвечающих критериям выборки. На этом самом начальном этапе и возникают, как правило, серьезные и даже мало преодолимые трудности. Приведу некоторые яркие примеры.

В синагогах, в которые я обратилась как социолог, мне неизменно отвечали, что “в текущий момент все в отъезде и мы с Вами обязательно свяжемся”. Это “свяжемся” растянулось на месяцы. Я уже давно и глубоко находилась в среде, когда неожиданно встречала тех, кто обещал связаться.

Креативный заход через библиотекаря Большой хоральной синагоги Санкт-Петербурга после продолжительного молчания увенчался очень вежливым письмом, в котором говорилось, что “*а никого и не осталось из тех, кто прошел гюр. Все уехали из России*”. Более того, библиотекарь далее сформулировала то, что составляет одну из центральных проблем зачина биографического интервью: “*Не обижайтесь, но, на мой взгляд, это немножко с сапогами в душу*”. В дальнейшем именно из-за “с сапогами в душу” я получила целую серию отказов в каждой из общин, отобранных для исследования. И в этом пункте надо объяснить, а что собственно значат эти “сапоги”.

Примечательно, что первоначальные отказы сопровождались одной и той же словесной формулировкой — “*я не стану этим заниматься*”. Согласно материалам интервью с теми, кто прежде отказал, но в дальнейшем, время спустя, согласился, основным препятствием было их нежелание рассказывать о своем возвращении в традицию, о своих религиозных чувствах и переживаниях, поскольку они полагали, что социолог хочет именно этого. Так, респондентка А.¹³, неизменно отвечавшая отказом на все предпринимаемые мною попытки, позднее в интервью объяснила причины такой своей реакции: «*Понимаете я представляла, что придет человек, журналист, или кто Вы там, социолог и начнет спрашивать: “ну, давайте расскажите, как Вы дошли до жизни такой”, а я не считаю, что мы тут дошли до чего-то и не хочу говорить о религиозном, вообще не умею я об этом*».

¹² В тексте я пользуюсь термином “еврейство”, а не иудаизм или иудеи, поскольку сами респонденты каждый раз поправляли меня, подчеркивая, что в их среде принято говорить о “религиозных евреях”, или о “соблюдающих”. Пользуясь терминологией А. Шюца, полагаю корректным ввести этот конструкт первого порядка в язык метаописания.

¹³ Респондентам в ходе транскрибирования аудиозаписей были присвоены буквы, обозначающие их имена. Не называть имен полностью было изначальным условием каждого интервью.

Другой пример из интервью с респондентом Ш., который, уже дав положительный ответ на запрос об интервью, тем не менее подробно допросил меня в начале разговора о форме, в которой оно будет проходить: *“Нет, ну, я ничего не понимаю, а вот, как Вы себе это представляете, что я начну Вам рассказывать о своей религиозной жизни? Я не очень понимаю, что Вы хотите?”*

После нескольких месяцев безуспешных попыток я решила использовать технику “тесен мир”¹⁴, рассматривая в качестве графов свое ближнее и дальнее окружение. В силу того, что опросить я собиралась вполне конкретных респондентов, то и запрос свой адресовала тем из знакомых, кто мог потенциально иметь еврейские корни, знакомства и т.п. И, действительно, на расстоянии не более трех-пяти рукопожатий обнаружился те, кто и выступил в дальнейшем в одной из ролей драматургии выстраивания выборки для биографического нарратива. Однако и в этом пункте меня ожидали холодные подводные течения.

На этапе переговоров через добытые информантами адреса и телефоны были допущены досадные промахи на уровне “универсума дискурса”, или словосочетаний допустимых/недопустимых в конкретном религиозном сообществе и маркирующих сакральные темы. Самым ярким примером здесь будет телефонный разговор с авторитетным лидером питерской ешивы, видным знатоком письменной религиозной традиции. Поначалу он выразил готовность помочь в подборе респондентов. Внимательно выслушав, кто мы, зачем и почему проводится исследование, он сразу задал следующие вопросы: *“Вы еврейка? Кто Вы по вероисповеданию?”* Далее он сказал, что не понимает, кто нам нужен, потому что *“нельзя, как Вы говорите, принять иудаизм! Можно сделать тишуву, вернуться в традицию или пройти гиюр. Я не понимаю, кто Вам нужен, Вы сами подумайте и напишите мне смс”*. На этом общение оказалось закрытым.

Этот и подобные эпизоды привели к пониманию, что необходим “толмач”, или своего рода переводчик, способный разъяснить основные правила существования в словесной и ментальной реальности питерского еврейства. Кроме того, нужен был еще и тот, кто все-таки сможет предоставить респондентов, договорившись с ними сам.

Во многих статьях, посвященных методу снежного кома, говорится, что первые респонденты смещают или искажают выборку¹⁵.

¹⁴ Watts D. Small worlds: the dynamics of Networks between order and randomness. Princeton; N.Y., 1999.

¹⁵ Heckathorn D.D. Respondent-driven sampling: a new approach to the study of Hidden populations // Social Problems. 1997. Vol. 44. N 2. P. 174–199; Heckathorn D.D., Semaan S., Broadhead R.S., Hughes J.J. Extensions of respondent-driven sampling: a new approach to the study of injection drug users aged 18–25 Robert S. // AIDS and Behavior. 2002. March. Vol. 6. N 1. P. 55–67; Heckathorn D.D. Snowball versus respondent-driven sampling // Sociological Methodology. 2011. 1 August. N 41 (1). P. 355–366.

И это действительно так. Если по начальному замыслу выборку должны были составить соблюдающие евреи от 32 до 50 лет, то благодаря первым интервью произошло смещение нижней возрастной планки в сторону ее расширения за счет родителей тех будущих респондентов, которым на момент интервью было 40–45. Однако далее респонденты подбирались уже четко по критериям выборки. И этому во многом способствовало привлечение метода референтной выборки, предполагающего, что уже опрошенные респонденты не просто называют имя или дают координаты релевантных с их точки зрения кандидатов.

Столкнувшись с ситуацией негативной реакции на отрицательные ответы относительно моей национальной и религиозной принадлежности, я понимала, что подобное будет повторяться вновь и вновь. И потому на этапе, когда метод снежного кома позволил собрать первый десяток интервью, познакомиться с теми, кто стал моими проводниками в среду, я включила в работу метод референтной выборки. По завершении общения по автобиографии я просила респондентов порекомендовать кого-либо еще в соответствии с выделенными мною параметрами выборки. Однако не просто порекомендовать, но и договориться, чтобы релевантный кандидат согласился.

Мое исследование предполагало не только установление структур индивидуальной религиозности, но и выявление их корреляции со структурами общинной религиозности. В силу такой изначальной установки респонденты отбирались в четкой корреляции с их принадлежностью к тому или иному еврейскому сообществу Питера. И это позволило избежать деформации выборки, нередко происходящей при использовании методик снежного кома и референтной выборки.

Здесь я имею в виду опасность, что кандидаты, предлагаемые уже опрошенными респондентами, окажутся, например, просто членами узкого круга друзей, за пределами которого религиозность будет иметь иное воплощение. Приведу пример: родители искомым респондентов, отвечая на вопрос, “кого еще Вы порекомендовали бы для нас?”, неизменно отвечали — “ну, в Питере соблюдающих почти и нет, все, кто был, уехали”. В дальнейшем выяснилось, что под категорию “все” попали их дети и круг общения действительно уехавших в Израиль. Последовательно один за одним я опросила этих евреев по скайпу. Вслед за тем во избежание деформации результатов я попросила респондентов рекомендовать людей не из числа друзей и приятелей.

Другой вариант искажения — опрошенные респонденты тенденциозно подбирают новых кандидатов, желая представить сооб-

шество и его религиозность в определенном свете. С этой проблемой я регулярно сталкивалась на уровне руководства религиозных сообществ. В такой ситуации единственный выход — это временный шаг в сторону от жестких критериев выборки в пользу ее расширения за счет юного контингента респондентов. Как правило, они более склонны к непринужденному разговору и часто располагают широким кругом знакомых.

Теперь о времени и месте проведения интервью. Сложности, с которыми здесь можно в принципе столкнуться, детально описаны в методологических разработках Ф. Шютце¹⁶. Однако интервьюирование респондентов с жесткими диетарными и поведенческими ограничениями религиозного характера предполагает детальную рефлексию о хронотопе встречи.

В культуре повседневности мегаполиса принято проводить деловые и дружеские встречи в кафе за чашечкой кофе/чая или обусловиться на обед в ресторане. Но для религиозного еврея такой вариант мало приемлем, поскольку прийти туда можно, а вот питаться нет. Кроме того, публичные пространства — это не самые удобные локусы для проведения биографического интервью, где от респондента ожидается, что на каком-то этапе он/она перехватит инициативу и самостоятельно поведет свой рассказ. Рекомендуемые в работах по данной теме встречи в бюро, в кабинете ученого, в кабинете начальника респондента также совершенно исключены. Респондентки-еврейки, например, вообще с трудом идут на контакт, ссылаясь на свою многодетность и чудовищную занятость. Ожидать, что соблюдающая еврейка придет в бюро/кабинет ученого как минимум наивно. И здесь есть еще один отдельный сложный момент гендерного измерения — мужчина и женщина не должны оставаться наедине при закрытых дверях.

Ситуация интервью каждый раз ставила и меня, и респондентов перед проблемой поиска адекватного локуса. Достаточно быстро стало понятно, что конкретизацию места и времени могут осуществить только сами респонденты, сообразуясь с религиозным календарем и представлениями о табуированных пространствах. По опыту исследования в сложно доступных средах, и в среде религиозного еврейства в частности, отмечу, что социологу следует быть готовым к ситуации, что большинство интервью будет проведено в позднее вечернее и даже ночное время. Так, респонденты муж-

¹⁶ Schütze F. Biography analysis on the empirical base of autobiographical narratives: how to analyse autobiographical narrative interviews. Part II. INVITE biographical counselling in rehabilitative vocational training. Further educational curriculum. EU Leonardo Vinci Programme. 2008 г. URL: <http://www.biographicalcounselling.com/download/B2.2.pdf> (accessed: 24.02.2016).

чины предпочитали давать интервью после вечерней молитвы и на территории синагоги, либо на свежем воздухе рядом с ней. Альтернативой этому выступали пространства общинных образовательных центров, рабочие кабинеты, когда опрашиваемые занимали должности в ешиве, причем всегда на виду и только в то время, когда желает респондент. Респондентки соглашались встретиться в парковых зонах, у себя дома или в общинных центрах — школах, домашних миньянах.

За годы использования биографического метода я пришла к выводу о необходимости кропотливой предварительной беседы с респондентом. Цель этого разговора — убедить опрашиваемого в конфиденциальности предстоящего общения, его актуальности и крайней необходимости и важности. Кроме того, при выборе места и времени следует сразу разяснить, что ему/ей должно быть удобно и комфортно в этом месте, потому как рассказывать предстоит о себе, а общение продлится не менее часа или двух. Опыт показывает, что в большинстве случаев респонденты изменяют первоначальную идею и предлагают нечто совершенно отличное. Однако даже хорошо подобранный хронотоп не гарантирует исследователя от сложностей на разных стадиях самого процесса интервьюирования.

Интервью, нацеленное на получение биографического нарратива, содержит три основные фазы — зачин, основное полотно, заключительная беседа. Рассмотрение проблем, сопутствующих каждой из стадий, я хочу предварить некоторыми замечаниями об опроснике.

В литературе по биографическому нарративу не существует единой точки зрения по проблеме обязательности списка вопросов. Меж тем большинство авторов склоняется к мнению, что вопросы не нужны, поскольку респондент сам представит рассказ по заданной теме, необходимо лишь внимательно слушать и не перебивать. В моем случае положение дел из раза в раз оказывалось диаметрально противоположным. Исключительно редка ситуация, при которой респондент самостоятельно вводит себя в состояние рассказчика, одаривающего социолога последовательным рассказом. В большинстве своем опрашиваемые сразу просят озвучить все темы и вести их от одного вопроса к другому. Нарратив обязательно появится, но предсказать, на каком этапе опросника, не всегда возможно. Например, с респондентами буддистами вопрос о родителях и родословной может даже напугать собеседника или вызвать напряжение. В среде религиозного еврейства этот вопрос воспринимается позитивно и чаще всего сразу дает искомый результат — развернутый нарратив. Более того, заинтересованное слушание и к месту заданные уточняющие вопросы по родословной

значительно облегчают переход рассказа к автобиографии, быстро сокращают дистанцию интервьюер—респондент. Однако наряду с четким списком вопросов необходимо продумать зачин встречи.

Под зачином я понимаю начало беседы при личной встрече, когда респондент впервые видит интервьюера и как бы вдруг обнаруживает себя в ситуации интервью, т.е. необходимости внезапно начать рассказ о себе, своей жизни в присутствии чужого, постороннего человека. Именно в такой диспозиции распечатанный список вопросов и короткая беседа снимают напряжение. Можно предложить респонденту посмотреть этот список, обязательно разъяснить, что “вопросы очень простые, если какой-то не понравится, то можно пропустить. Например, посмотрите, вопрос, а какие домашние животные у Вас были в детстве?”. И в данном пункте нашего изложения необходимо еще раз подчеркнуть, что респонденты из среды соблюдающих евреев и соглашались на интервью, и снимали барьер недоверия, когда узнавали, что вопросов “про религию” не будет. А в этом им помогал удостовериться список вопросов.

Следующая стадия — основная фаза нарратива. Здесь могут возникать разнообразные затруднения, начиная от внезапного ступора рассказчика, заканчивая лаконичными ответами и полным нежеланием респондента разворачивать свой нарратив. Из ступора помогают вывести заранее продуманные вопросы по биографии. Решение проблемы сопротивления куда сложнее. В нашем опыте такие случаи разрешаются, как правило, после прохождения всего цикла вопросов. Сконцентрированное внимание к ответам собеседника помогает понять, какая из автобиографических тем наиболее близка респонденту. Последующие дополнительные вопросы по этой теме позволяют респонденту раскрыться. В такой ситуации можно продублировать дальше те вопросы, которые прежде были оставлены без внимания. Приведем пример из тех, когда интервью шли по самым сложным сценариям.

Респондентка Л., уже много лет преподающая еврейскую традицию, часто консультирующая молодых евреек, только недавно вставших на путь соблюдения, длительное время отказывалась от интервью. Ее просили разные респонденты, уже имевшие встречи с нами, она давала согласие, но потом в переписке опять отказывалась. И, наконец, она согласилась и назначила встречу у себя дома в удобное для себя время. Далее после зачина-беседы, знакомства с опросником она давала очень лаконичные ответы, сопровождая их комментариями в стиле “я уже не помню, я не знаю, наверно, но не помню”. Никакого нарратива не получалось. По завершении этого мучительного общения я предложила респондентке тему ев-

рейского воспитания детей: спросила, как она своих детей воспитывала, какого будущего для них хотела бы, как и где они учились, как это сочеталось с их соблюдением Кашрута. Именно эти вопросы направили общение в искомое русло: Л. мгновенно перешла к подробному и длительному автобиографическому нарративу. Этот опыт весьма ценен и в практическом, и в содержательном измерении. В содержательном измерении ее реакция давала ответ на вопрос о структурных доминантах ее религиозности. Еврейская религиозность в целом содержит в своей сердцевине такой структурный компонент, как семья, религиозная семья, соблюдающая Шабат и Кашрут. И это семья обязательно детоцентрированная.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Биографический метод: история, методология, практика / Под ред. Е.Ю. Мешеркиной, В.В. Семеновой. М., 1994.

Островская Е.А. Религиозность в горизонте возможностей социологии религии: количественные и качественные исследования // Наука о религии в XXI веке: традиционные методы и новые парадигмы. Сборник статей и докладов / Под ред. М.М. Шахнович, Т.В. Чумаковой, Е.А. Терюковой. СПб., 2014.

Пузанова Ж.В., Троцук И.В. Нарративный анализ: понятие или метафора? // Социология: 4 М. 2003. № 17.

Рустин М. Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // Интер. 2002. № 1. С. 7–24.

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М., 2001.

Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3.

REFERENCES

Annual review of the sociology of religion new methods in the sociology of religion / Ed. by L. Berzano, O.P. Riis. Leiden; Boston, 2012.

Beck U. Risk society. L., 1992.

Beck U. Eigenes Leben // Eigenes Leben. Ausflüge in die unbekannte Gesellschaft in der wir leben / Ed. by U. Beck, T. Rautert, U. Ziegler. Monaco, 1997.

Berger P., Berger B., Kellner H. The homeless mind. Modernization and consciousness, harmondsworth. L., 1973.

Bertaux D., Kohli M. The life story approach: a continental view // Life Story Research / Ed. by B. Harrison. Vol. I. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore; 2008.

Berzano L. Research methodology between descriptive and hermeneutic interests // New Methods in the Sociology of Religion / Ed. by L. Berzano, O.P. Riis. Leiden; Boston, 2012.

Биографический метод: историya, методологиya, praktika / Pod red. E.Yu. Meshcherkinoi, V.V. Semenovoi. M., 1994.

Biography and turning points in Europe and America / Ed. by K.B. Hackstaff, F. Kupferberg, C. Négroni Policy Press, 2012.

Chamberlayne P., Rustin M. From biography to social policy // University of East London, Centre for Biography in Social Policy. Final Report of the SOSTRIS Project (SOE2-CT96-3010). L., 1999.

Chamberlayne P., Bornat J., Wengraf T. The turn to biographical methods in social science comparative issues and examples. L.; N.Y., 2000.

Denzin N.K. The reflexive interview and a performative social science // Qualitative Research I. 2001. N 1. P. 23–46.

Giddens A. Modernity and self identity: self and society in the late modern age. Cambridge, 1991.

Heckathorn D.D. Respondent-driven sampling: a new approach to the study of Hidden populations // Social Problems. 1997. Vol. 44. N 2. P. 174–199.

Heckathorn D.D. Snowball versus respondent-driven sampling // Sociological Methodology. 2011. 1 August. N 41 (1). P. 355–366.

Heckathorn D.D., Semaan S., Broadhead R.S., Hughes J.J. Extensions of respondent-driven sampling: a new approach to the study of injection drug users aged 18–25 Robert S. // AIDS and Behavior. 2002. March. Vol. 6. N 1. P. 55–67.

Jindra I. How religious content matters in conversion narratives to various religious groups // Sociology of Religion. Quarterly Review. 2011. Vol. 72. N 3. P. 275–302.

Knoblauch H., Krech V. Wohlrab-Sahr M. Religiöse Konversion. Systematische und fallorientierte Studien in soziologischer Perspektive. Konstanz, 1998.

Ostrovskaya E.A. Religioznost' v gorizonte vozmozhnostei sotsiologii religii: kolichestvennye i kachestvennye issledovaniya // Nauka o religii v XXI veke: traditsionnye metody i novye paradigmy. Sbornik statei i dokladov / Pod red. M.M. Shakhnovich, T.V. Chumakovoi, E.A. Teryukovoi. SPb., 2014.

Puzanova Zh.V., Trotsuk I.V. Narrativnyi analiz: ponyatie ili metafora? // Sotsiologiya: 4 M. 2003. N 17.

Qualitative sociological review. 2006. Vol. II. Iss. 1. Biographical Sociology.

Roberts B. Biographical research. Buckingham; Philadelphia, 2002.

Rustin M. Razmyshleniya po povodu povorota k biografiiyam v sotsial'nykh naukakh // Inter. 2002. N 1. S. 7–24.

Schütze F. Biography analysis on the empirical base of autobiographical narratives: how to analyse autobiographical narrative interviews. Part II. INVITE-Biographical counselling in rehabilitative vocational training. Further educational curriculum. EU Leonardoda Vinci Programme. 2008 r. URL: <http://www.biographicalcounselling.com/download/B2.2.pdf> (accessed: 27.08.2015).

Strauss A., Korbin Dzh. Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki. M., 2001.

Watts D. Small worlds: the dynamics of Networks between order and randomness. Princeton; N.Y., 1999.

Wengraf T. Qualitative research interviewing biographic narrative and semi-structured methods. L., 2001.

Wohlrab-Sahr M. Biographie und Religion. Zwischen Ritual und Selbstsuche. Frankfurt; N.Y., 1995.

Yarskaya-Smirnova E.R. Narrativnyi analiz v sotsiologii // Sotsiologicheskii zhurnal. 1997. N 3.